Труды Томскаго Общества изученія Сибири.
Томъ II, вып. 2.

К. В. Юрганова.

Отъ Улалы до Отхан-Хаирхана.

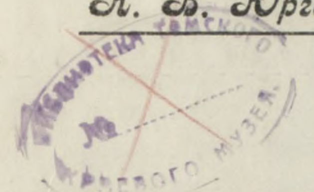
(Путевой дневникъ).

Цѣна 50 коп.

ТОМСКЪ.
Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Макаровскій пер., с. д. № 4.
1912.

Труды Томскаго Общества изученія Сибири.
Томъ II, вып. 2.

К. В. Юрганова.

Отъ Улалы до Отхан-Хаирхана.

(Путевой дневникъ).

Цѣна 50 коп.

ТОМСКЪ.
Т-во „Печатня С. П. Яковлева", Макаровскій пер., с. д. № 4.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этого дневника Капитолина Васильевна Юрганова, слушательница Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, дочь купца В. И. Юрганова, проживающаго въ с. Улалѣ и торгующаго въ Монголіи, гдѣ у него къ сѣверу отъ г. Уляссутая въ мѣстности Уланъ-Эригъ есть шерстомойня. Въ этой мѣстности г-жа Юрганова проводила вмѣстѣ со своими родителями каждое лѣто, пока не поступила въ гимназію.

Лѣтомъ 1911 г. г-жа Юрганова совершила поѣздку изъ Улалы въ ставку своего отца, дѣлая по дорогѣ сборъ растеній и насѣкомыхъ. Ея энтомологическій сборъ, въ количествѣ 4000 экземпляровъ, оказался самымъ большимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ сибирскими экскурсантами въ томъ году. Онъ поступилъ въ музей Академіи Наукъ. Гербарій (74 вида) переданъ въ музей Сибирскихъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Томскѣ. Совѣтъ Общества изученія Сибири въ г. Томскѣ выразилъ пожеланіе, чтобы къ дневнику г-жи Юргановой были присоединены списокъ собранныхъ растеній и замѣтка С. С. Якобсона, въ рукахъ котораго находится ея энтомологическая коллекція. Къ сожалѣнію, по случаю болѣзни С. С. Якобсона, этотъ отзывъ не могъ быть написанъ къ сроку изданія. Растенія же были опредѣлены слушательницей Сибирскихъ высшихъ женскихъ курсовъ В. П. Кудряшевой, подъ руководствомъ ботаника Б. К. Шишкина.

Дневникъ изданъ на средства В. И. Юрганова.

Г. Потанинъ.

Отъ с. Улалы до Уланъ-Эрига *).

1 іюня 1911 года.

Въ 9 часовъ я выѣхала изъ Улалы.

Свѣжія лошади быстро мчали, звонко гремя колокольчиками. Дорога вилась среди полей, заросшихъ зеленой, уже на четверть поднявшейся травой. По обѣимъ сторонамъ возвышались горы, покрытыя тѣмъ же зеленымъ ковромъ, съ пестрѣющими по нему синими, красными, желтыми цвѣтами. Живые, яркіе огоньки можно было видѣть за версту, около нихъ ютилось цѣлое царство нѣжныхъ пышныхъ одуванчиковъ. Иногда попадались кусты яркаго только что распустившагося шиповника съ капельками росы. Свѣжій утренній воздухъ пріятно обдавалъ лицо.

Въ 11 час. мы подъѣхали къ парому. Катунь бурно шумѣла и пѣнилась.

Переправившись, мы поѣхали вдоль берега ея, среди молодого березника и осинника. На пути стояли села Устюба и Каинча, за которыми слѣдовалъ перевалъ. Въ началѣ подъема находилась заимка Ляшкина, состоявшая изъ нѣсколькихъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, одна часть которыхъ тѣсно ютилась на пригоркѣ, другая же внизу за рѣчкой.

Мы поднимались узкой каменистой дорожкой, которая тянулась далеко вверхъ извилинами, часто пересѣкаясь бурной, горной рѣчкой.

Съ той и другой стороны поднимались высокія горы съ отвѣсными скалами, которыя шли то отъ самой подошвы, высоко поднимаясь и оканчиваясь острой вер-

*) Уланъ-Эригъ—значитъ красный берегъ. Мѣстность, лежащая къ сѣверу отъ Улясутая въ 60 верстахъ отъ него.

хушкой, то отъ средины, оставляя внизу мѣсто для густой зеленой травы.

По скаламъ наверху росла лиственица, пониже желтая акація, переплетаясь съ другими вьющимися растеніями.

Иногда выглядывало цѣлое поле пышныхъ ярко-сиреневыхъ марьиныхъ кореньевъ.

По дорогѣ часто можно было видѣть каменныя печи, съ лежащими около нихъ глыбами бѣлыхъ камней, приготовленныхъ для обжиганія на известь.

Мы поднимались больше 2-хъ часовъ.

Тройка лошадей съ трудомъ тащила нашу телѣжку, ежеминутно скакавшую съ камня на камень.

Другой склонъ горы былъ не такъ крутъ. Дорога шла косогоромъ. По склонамъ тянулись больше пашни и луга. На самой почти срединѣ горы стояли татарскія конусообразныя юрты, сдѣланныя изъ жердей и крытыя берестой.

Въ юртахъ никого не было, изрѣдка только бродили оставленные на произволъ судьбы куры и пѣтухи.

Это были татарскія зимовки.

Въ 7 часовъ мы добрались до села Камлакъ, расположеннаго въ котловинѣ, среди лѣсистыхъ горъ.

---

2 іюня.

Утро было прекрасное. Солнце ярко освѣщало село. Мы выѣхали въ 8 часовъ. Дорога шла среди горъ по направленію къ селу Чергѣ, у котораго дорога выходитъ на Чуйскій трактъ. Проѣхавъ село Муюту, мы въ 3 часа остановились въ с. Шебалино, гдѣ я должна была дождаться своихъ спутниковъ изъ Бійска.

---

3 и 4 іюня я жила въ Шебалиной, посвящая все время собиранію жуковъ, бабочекъ и цвѣтовъ. Особенно мнѣ нравилась пасѣка дѣдушки Попова, моего ямщика, гдѣ мы съ нимъ проводили все свое время до отъѣзда. Дѣ-

душка часто и много разсказывалъ о себѣ, не рѣдко задавалъ вопросы о столичной жизни и, казалось, съ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда въ Монголію. 4-го насъ съ нимъ и его двухъ маленькихъ внучатъ захватила гроза въ пасѣкѣ. Я съ самаго начала ея наблюдала за этимъ явленіемъ и очарованная красотой природы, рѣшила записать въ свой дневникъ. Съ утра ярко свѣтило солнце, бросая всюду свои жгучіе лучи и оживляя природу. Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ, на небѣ появились небольшія сѣрыя тучки. Вѣтеръ все больше и больше усиливался, наконецъ перешелъ въ сильный ураганъ, который рвалъ и металъ все что ни попало. Передъ окномъ нашей низенькой лачужки, въ которой мы скрылись отъ бури, деревья гнулись подъ сильнымъ напоромъ вѣтра то въ одну, то въ другую сторону, отвѣчая своимъ слабымъ шумомъ листьевъ на грубые удары. Сѣрыя тучки перешли въ большую черную дождевую тучу, которая плыла гордо и быстро по небосклону, посылая рѣдкія крупныя капли дождя. Черезъ нѣсколько минутъ блеснула молнія, послышался ударъ грома и быстро пошелъ крупный дождь, грозно стуча въ окно и порой смѣшиваясь съ градомъ. Буря шумѣла, сердилась, дождь безпощадно хлесталъ; казалось, шла упорная борьба между силами природы. Черезъ четверть часа пошелъ мелкій дождикъ, который вскорѣ совсѣмъ пересталъ; небо начинало проясняваться, громъ еще продолжалъ гремѣть и, какъ будто наслаждаясь и рисуясь своимъ могуществомъ, онъ то глухо шумѣлъ, то разсыпался мелкой дробью, то сердито и грозно раскатывался, переходя въ тихій щумъ; и такъ шумѣлъ минуты полторы, постепенно затихая, то вдругъ ударялъ въ одномъ концѣ и подхватывался въ другомъ, какъ запѣвало.

Наконецъ, все замолкло. Я отворила окно. Сырой, но свѣжій душистый воздухъ охватилъ меня; не высокая и тоненькая березка, надломленная бурей, упала на другую, какъ бы жалуясь на свою участь. Снова выглянуло солнышко, снова защебетали птички и опять началась жизнь. Въ 4 часа мы отправились домой.

5 іюня.

5-го мы выѣхали изъ Шебалиной. Насъ было 9 человѣкъ—m-me Игнатьева съ тремя дѣтьми, я, мой ямщикъ—дѣдушка, монголъ и 2 ямщика Игнатьевой. Дорога шла среди горъ, пересѣкая рѣчку Кумылыръ и нѣсколько ключиковъ.

По правую сторону отъ дороги шумѣла рѣка Сема.

Въ 8 верстахъ отъ Шебалиной мы пересѣкли Сему и ѣхали вдоль ея побережья, поросшаго ельникомъ, черемухой и тальникомъ. Въ 20 верстахъ находилось село Топуча (получившее свое названіе отъ топкаго и болотистаго мѣста), за которымъ дорога шла на Семинскій перевалъ. Отъ села считалось верстъ 6-ть подъема. По обѣимъ сторонамъ дороги росли пышные вѣтвистые кедры и высокія стройныя ели, между которыми переплетались кусты кислицы и марьиныхъ кореньевъ. Передъ вершиной встрѣчались огромные участки сухого сѣраго лѣса, похожаго издали на густой слой дыма. На самой вершинѣ пестрѣли низенькіе, разноцвѣтные Анютины глазки. Погода была пасмурная, дулъ холодный, смѣшанный съ каплями дождя вѣтеръ. Мы остановились ночевать въ полѣ, не доѣзжая до станціи Песчаной. Палатки у насъ не было, приходилось спать въ телѣжкѣ подъ открытымъ небомъ.

Первая ночевка въ полѣ всегда кажется удивительно пріятной. Мы живо разложили огромнѣйшій костеръ, разостлали передъ нимъ брезенты и сѣли чай пить. Нашимъ восторгамъ не было конца, мы болтали безъ умолку; каждый изъ насъ считалъ своимъ долгомъ то и дѣло подбрасывать въ огонь побольше вѣтокъ и сучьевъ. Пламя все больше и больше разгоралось, рѣзко выдѣляясь на темномъ фонѣ неба.

Въ 10 часовъ всѣ легли спать. Я разбросила свою постель подъ развѣсистымъ высокимъ кедромъ, но спать не хотѣлось. Кругомъ стояла непроглядная тьма, легкій вѣтерокъ чуть слышно колыхалъ деревья; вверху далеко простиралось небо съ черными, то исчезающими, то

снова появляющимися тучами. Необыкновенная тишина стояла кругомъ, лишь изрѣдка нарушаемая глухимъ крикомъ ночной птицы, или топотомъ испугавшейся лошади. Огромное пламя перешло въ небольшой огонекъ, который сначала ярко пылалъ, потомъ постепенно, то вспыхивая, то замирая, какъ будто борясь съ тьмой, угасъ. Величественная ночь все больше и больше надвигалась, окутывая окружающее своимъ темнымъ нѣжнымъ покрываломъ.

Мои мысли стали постепенно путаться, дремота начала все больше и больше охватывать и, наконецъ, убаюканная лаской ночи, я крѣпко заснула.

---

6 іюня.

Встали въ 4 часа. Солнце едва показывалось изъ за горъ. Дулъ свѣжій вѣтерокъ; роса обильно покрывала траву. Разведенный костеръ ярко пылалъ, пригрѣвая своими лучами. Холодная ключевая вода пріятно щипала лицо и руки.

Въ 6 часовъ мы выѣхали; дорога шла сначала въ гору, затѣмъ спускалась въ долину, окруженную горами, изъ которыхъ многія были покрыты еще не стаявшимъ снѣгомъ. Среди долины стояло небольшое Теньгинское озеро, около котораго ютилось нѣсколько юртъ, съ бродившимъ около рогатымъ скотомъ: это были пастбища богатаго татарина Аргамая. Вскорѣ мы подъѣхали и къ дому самого Аргамая въ Теньгѣ.

Двухъэтажный деревянный домъ особенно выдѣлялся среди незавидной Теньгинской постройки, состоящей изъ 3—4-хъ домиковъ, церкви и школы. Около дома стояло нѣсколько юртъ. Говорятъ, что Аргамай любитъ больше жить въ юртѣ, а домъ предназначается для гостей и преимущественно русскихъ.

По разсказамъ, Аргамай человѣкъ очень предпріимчивый и живой. Онъ не разъ бывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, откуда привозилъ не мало рѣдкостей, удивляв-

шихъ его соплеменниковъ. Помню, въ декабрѣ 1909 года, я ѣздила въ Бійскъ смотрѣть на 4-хъ красивыхъ лошадей Аргамая, различныхъ породъ, приведенныхъ изъ Россіи для приплода.

Плодомъ дѣятельности Аргамая являются Теньгинская церковь и школа, но самъ Аргамай не крещеный; этому препятствуетъ его старуха—мать.

За Теньгой дорога шла ровной мѣстностью. Проѣхавъ села Туехту и Онгудай, мы остановились ночевать въ долинѣ рѣки Урсула.

---

7 іюня.

Въ 8 часовъ утра выѣхали въ село Хабаровку, расположенную по рѣкѣ Малый Ильгумень*) (Улегемъ). Закупивъ хлѣба и овса, мы стали подниматься на гору Ильгумень. Дорога шла извилинами, по обѣимъ сторонамъ росли кедръ, лиственица и ели, между которыми встрѣчался бѣлый и розовый шиповникъ. Съ вершины горы открывался видъ на неширокую, волнообразную долину большого Ильгуменя.

Въ 2 часа мы подъѣхали къ небольшой, недавно начавшей заселяться деревушкѣ „Куликово". Дальше дорога шла между высокихъ горъ, усѣянныхъ каменными глыбами, которыя, какъ будто катившись съ вершины горы, остановились вдругъ на одно мгновеніе.

Въ 4 часа показалась Катунь; узкая, она шумно и грозно проходила среди горъ. На берегу стояло 2 домика—жилища перевозчиковъ; за ними вдоль берега Катуни разстилались пашни и луга. Мы должны были переѣхать Катунь въ 3-хъ мѣстахъ, находившихся другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи.

Переправившись въ первый разъ и проѣхавъ небольшой ровной поверхностью, покрытой скудной растительностью, мы выѣхали къ песчаному бому. Съ самаго

*) Мѣстное названіе „Ильгумень", на картѣ „Улегемъ".

дѣтства этотъ бомъ ярко запечатлѣлся въ моей памяти. Теперь здѣсь проведена хорошая широкая дорога, но раньше пролегала узенькая тропинка, съ полъаршина ширины. Ѣздили этой дорогой рѣдко, обыкновенно объѣзжали горой Сальджаромъ, но мой отецъ почему-то захотѣлъ пробраться (очевидно, чтобъ скорѣе) этой дорогой. Это было во время китайской войны, когда всѣ русскіе бѣжали изъ Улясутая. Отецъ бѣжалъ однимъ изъ послѣднихъ. Насъ ѣхало 4-ро—папа, мама, дядя и я.

Часовъ около 6-ти мы подъѣхали къ крутой песчаной розсыпи кое-гдѣ поросшей мелкимъ кустарникомъ. Передъ розсыпью стояли отвѣсныя скалы съ узенькой тропой, по которой каменныя плиты налегали одна на другую, образуя ступеньки до аршина высоты. Вьючныя и верховыя лошади скачками забирались по этой лѣстницѣ, впиваясь въ скалы, подобно клещамъ. Чуть задѣтый песокъ по розсыпи катился и падалъ прямо въ Катунь; если бы человѣкъ или лошадь какъ нибудь неосторожно оступились, то не было бы никакой надежды на спасеніе. Отецъ слѣзъ съ лошади, взялъ въ поводъ, перекрестился и пошелъ впередъ, остальные шли за нимъ. Мама со слезами на глазахъ, читая молитву, вела меня за руку.

Проѣхали мы тогда благополучно, но, помню, сильное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ бомъ; и теперь, какъ только я проѣзжаю мимо него, эта картина живо встаетъ въ моей памяти.

Переѣхавъ еще два раза Катунь и проѣхавъ станцію Иню, мы выѣхали на ровное мѣсто.

Кругомъ были высокія горы, многія со снѣжными верхушками; вдали виднѣлись бѣлки.

Версты полторы отъ дороги находилось сліяніе Катуни съ Чуей.

8 іюня.

Мы проѣхали нѣсколько бомовъ, изъ нихъ особенно выдѣлялся Бѣлый бомъ. Крутыя бѣлыя скалы, съ пробивающейся между ними зеленью, красиво выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба.

На гладкихъ скалахъ сохранились надписи, сдѣланныя во время проведенія дороги и состоящія изъ легонькихъ стишковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Прежде ѣздилъ ты бомами,
„Мучился съ вьюкомъ,—
„Проѣзжай теперь съ возами
„И въ карьеръ верхомъ“.

*
* *

„Чуйцы долго ожидали
„Этого пути,
„Десять тысячъ вмигъ собрали,
„Сальджаръ обойти.

*
* *

„Ихъ желаніе сбылося—
„Сальджаръ въ сторонѣ,
„Десять тысячъ всѣ пришлося
„Уложить въ горѣ.

Дальше слѣдовало еще нѣсколько бомовъ и мѣстность Айгулакъ, гдѣ съ вершины горы падалъ, пѣнясь и разбиваясь о скалы, шумный водопадъ, переходя внизу въ маленькую каменистую рѣчку, впадающую въ Чую.

По обѣимъ сторонамъ дороги лежали громадныя глыбы камней, среди которыхъ по одну сторону ютились, какъ будто выбиваясь изъ подъ тяжелой гнетущей среды, ели и лиственицы, по другую росъ крыжовникъ.

Дорога шла все время между горъ; однѣ изъ нихъ, стоящія по лѣвую сторону Чуи, были покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, а находящіяся по правую, больше крупныя и скалистыя. На многихъ лежалъ снѣгъ.

9 іюня.

Проѣхавъ нѣсколько бомовъ и станцію Чибитъ, мы стали подниматься на Аржаную гору. Къ сѣверу отъ нея тянулся параллельно дорогѣ длинный хребетъ, крытый снѣгомъ, къ югу между горъ пробиралась р. Чуя.

Подъемъ былъ крутъ. Склоны горы покрывались частью хвойнымъ лѣсомъ, частью невысокой травой. Съ горы дорога спускалась въ Курайскую долину, окаймленную съ сѣвера и юга снѣжными горами. Долина тянулась верстъ на 18; небольшіе холмики изрѣдка покрывали ее. Широкой лентой шла дорога, вдоль которой, стройно вытянувшись въ одну прямую линію, располагались телеграфные столбы.

Направо отъ дороги стоялъ лѣсокъ, среди котораго выдѣлялась одинокая церковь и два домика.

Печальный, задумчивый, но въ то же время какой-то своеобразно красивый видъ имѣла долина.

---

10 іюня.

Утро стояло пасмурное. Дулъ холодный вѣтеръ. Дорога шла черезъ Красную горку, получившую свое названіе отъ красноватой окраски камней. Дальше шла пустынная, волнообразная, частью глинистая, частью песчаная поверхность. Направо отъ дороги вдоль берега рѣки Чуи росъ мелкій тальникъ. Съ сѣвера и юга стояли снѣжныя горы.

Въ 12 часовъ мы подъѣхали къ послѣднему русскому пограничному селенію Кошъ-Агачъ.

Новая церковь и домиковъ 20 незавидной отдѣлки съ нѣсколькими деревянными лавками составляютъ село. Съ полверсты отъ него находится таможня.

Здѣсь былъ послѣдній пунктъ правильнаго почтоваго и телеграфнаго сообщенія; дальше корреспонденція пересылается до Улясутая и Кобдо съ попутчиками или консульскими казаками. Мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

13 іюня.

Въ 10 часовъ утра мы выѣхали изъ Кошъ-Агача. Русскіе ямщики Игнатьевой были отправлены обратно, ѣхали на своихъ лошадяхъ.

Насъ осталось 6 человѣкъ; одинъ изъ нашихъ компаніоновъ, сынъ Игнатьевой, остался въ Кошъ-Агачѣ.

Дорога шла среди степи, покрытой маленькой травой. Горы съ трехъ сторонъ окружали степь. Налѣво отъ дороги по Чуѣ шелъ, постепенно исчезая, не густой хвойный лѣсъ и тальникъ.

Степь тянулась верстъ на 60. Киргизскія юрты и скотъ изрѣдка встрѣчались по ней. Въ 5 часовъ мы подъѣхали къ послѣднему сторожевому русскому посту, состоящему изъ новенькаго домика съ нѣсколькими постройками, уныло выглядывающими съ голаго пригорка. Два стражника живутъ и наблюдаютъ здѣсь за проѣзжающими. Погода стояла холодная, шелъ мелкій дождь. Мы остановились ночевать у ключа въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы.

---

14 іюня.

Рано утромъ мы пересѣкли гору Ташенту, служащую границей между Россіей и Монголіей. Дальше шли голыя, точно выточенныя, горы; желтая трава, съ чуть-чуть пробивающейся зеленью, покрывала ихъ. Дорога шла къ небольшому озеру Халба-норъ, раздѣленному на двѣ части узкимъ перешейкомъ. Лѣсу и дровъ не было. На полдневкѣ намъ пришлось уже собирать аргылъ*) для огня, это было первое напоминаніе о Монголіи. За Халба-норомъ дорога продолжала идти между горъ. Дулъ холодный вѣтеръ; солнце мало пригрѣвало.

Въ 3 часа мы въѣхали въ неширокую долину, окруженную съ двухъ сторонъ горнымъ хребтомъ. Эта уди-

*) Продуктъ выдѣленія животныхъ.

вительно пустынная и дикая мѣстность, носившая названіе Харъ-Мангнай, была моей родиной. Ни воды, ни дровъ нельзя достать за нѣсколько верстъ. Камни въ большомъ количествѣ покрываютъ ее; среди камней можно было съ трудомъ различить едва пробивающуюся травку.

Здѣсь, 19 лѣтъ тому назадъ, 14 октября, въ холодный осенній день, моя мать, возвращаясь съ karавaномъ верблюдовъ домой изъ Монголіи, разрѣшилась отъ бремени. Суровый осенній вѣтеръ пронизывалъ до костей. Ни воды, ни дровъ не было. Съ трудомъ разыскавъ аргылъ, разложили огонь, поставили обохой*), и найдя въ котловинѣ наметанный вѣтромъ снѣгъ, наполнили имъ котлы и чайники. На водѣ изъ растаяннаго снѣга варили чай и обмывали меня.

На другой день моя мать вмѣстѣ со мной поѣхала на верблюдѣ. Изъ Кошъ-Агача ей пришлось въ продолженіе 10 дней ѣхать верхомъ на лошади. Ни палатки, ни обохоя на этотъ разъ не было.

Обыкновенно, остановившись гдѣ нибудь въ лѣсу, раскладывали яркій костеръ и располагались передъ нимъ. Закрывъ сторону, лежащую на вѣтеръ, кочмой, съ трудомъ обмывали меня передъ пылавшимъ пламенемъ и подъ заунывныя пѣсни вѣтра укладывали спать къ подножію елей и кедровъ.

Съ такимъ трудомъ мать моя добралась до первыхъ деревень, откуда уже легче было попасть домой.

— —

15 іюня.

Утромъ проѣхали Цаганъ-норъ (Бѣлое озеро). Солнечные лучи сладко покоились въ его зеркальной поверхности. Дорога шла сначала въ гору, затѣмъ ровной гладкой долиной, тянувшейся верстъ на 10; маленькая трава съ палецъ вышиной покрывала ее отдѣльными

*) Юрта изъ кочмы, имѣющая видъ усѣченнаго конуса.

клочками. Кругомъ было пустынно и тихо, только огромнѣйшія стада иреней бродили по полямъ, изрѣдка уносясь ураганомъ отъ проѣзжающихъ путниковъ. Проѣхавъ нѣсколько горокъ, мы спустились въ горное ущелье *(Капчикъ)*, за которымъ шла покатая долина къ озеру Ачикъ-норъ.

Пополдневавъ у озера, мы отправились дальше, вдоль берега рѣки, соединяющей р. Кобдо съ Ачикъ-норомъ. Густой зеленый камышъ, въ которомъ водятся безчисленныя стаи утокъ и гусей, покрывалъ берега.

Переѣхавъ перешеекъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ рѣки Кобдо, мы стали подниматься на небольшой перевалъ. По обѣимъ сторонамъ отъ дороги возвышались каменистыя горы.

Въ 8 часовъ мы спустились ночевать на правый берегъ рѣки Кобдо, поросшій тальникомъ и тополемъ.

---

16 іюня.

Комары, забравшись рано утромъ на одѣяло, своимъ высокимъ звенящимъ пѣніемъ не давали спать. Выглянуть изъ подъ одѣяла не было никакой возможности, цѣлыя стаи комаровъ и мошекъ носились надъ нами; одно спасеніе было у костра. Лошади страшно бились, нѣкоторыя были искусаны въ кровь.

Въ половинѣ 5-го мы выѣхали. Дорога шла среди песчаной мѣстности, покрытой изрѣдка караганой и шабыкомъ.

День стоялъ жаркій. По песку бѣгали двухъ сортовъ ящерицы, однѣ кругленькія, пузатенькія, съ длинными хвостами, другія длинныя, свѣтло-сѣрыя, съ розовыми извилистыми полосками. Я шла больше пѣшкомъ, собирая въ банки жуковъ и ящерицъ.

Переѣхавъ небольшой перевалъ, мы спустились къ рѣкѣ Шибирь, впадающей въ Кобдо.

Вдоль берега ея росъ высокій тополь, тальникъ и карагана. Однимъ изъ благодатныхъ мѣстъ казался этотъ уголокъ.

Пріятно послѣ ѣзды по степямъ и голымъ горамъ очутиться снова въ лѣсу, возлѣ шумной пѣнящейся рѣчки. Мы пробыли здѣсь 3 часа.

Отъ рѣки версты на полторы дорога была сплошь усѣяна большими круглыми камнями. Съ трудомъ приходилось пробираться между ними въ телѣжкахъ. Дальше путь лежалъ въ гору, передъ самой вершиной которой поднимались каменныя глыбы, налегая одна на другую въ видѣ слоевъ.

Подъ горой стояло озеро Шадзагай-норъ (Сорочье озеро), издающее страшно непріятный запахъ. Утки и варнавки*) въ большомъ количествѣ носились надъ нимъ.

Мы поднялись ночевать въ гору къ небольшому ключику, бьющему изъ подъ земли въ видѣ не высокаго фонтана. Здѣсь ночью съ нашей спутницей случился нервный припадокъ.

Мы уже засыпали, какъ вдругъ изъ повозки послышался дикій отрывистый крикъ, сопровождаемый стономъ. Ночь была темная; огромныя тучи все больше и больше надвигались, сплошь застилая небо.

Больная корчилась, кричала; мы бѣгали изъ стороны въ сторону, не зная что дѣлать. Притащивъ изъ ключа холодной воды, смѣшанной съ пескомъ, мы безпрестанно поливали на больную. Только черезъ часъ намъ удалось отводиться съ ней, съ трудомъ подавая въ темнотѣ бромъ и спиртъ.

---

17 іюня.

Наша больная чувствовала себя хорошо. Ѣхали по пустынной, частью кочковатой, частью крытой дересуномъ **) мѣстности Намиръ.

---

*) Желтая утка.

**) Дересунъ — Lasiagrostis splendens, высокій злакъ.

Влѣво отъ насъ протекала между глинистыхъ, солончаковыхъ береговъ не широкая, но топкая рѣка Намиръ. Вдали синѣло озеро. Около рѣки стоялъ дербетскій хуре*). Нѣсколько построекъ съ загнутыми крышами выглядывали изъ за изгороди. Кругомъ стояли аилы**). Дальше дорога шла по песчаной равнинѣ, постепенно поднимаясь въ гору. Низенькіе, покрытые сиреневыми цвѣточками кустики часто встрѣчались по дорогѣ.

Спустившись съ горы, мы остановились ночевать у колодца.

---

18 іюня.

Переѣхавъ нѣсколько небольшихъ переваловъ, мы спустились на ровную поверхность, идущую до Соленаго озера. Мелкая галька покрывала всю равнину; ни кустика, ни травки не было на ней. День стоялъ пасмурный; небо было покрыто дождевыми тучами. Вдали передъ нами синѣли горы.

Съ одной стороны на горизонтѣ вышла узенькая, ясная полоска, какъ будто зеркальная поверхность тихой рѣки. Мы сначала приняли это за озеро.

Въ 6 часовъ мы подъѣхали къ самому озеру. Голая степь постепенно перешла въ песчаные бугры, крытые стелющимися не высокими растеніями.

---

19 іюня.

Утро стояло прекрасное. Солнце ярко свѣтило, день обѣщалъ быть хорошимъ. Бѣлыя солончаковыя побережья озера, какъ снѣгъ блестѣли на солнцѣ.

Мы ѣхали степью, тянувшейся верстъ на 10 и состоящей изъ мелко-каменистой почвы.

Въ 9 часовъ показалась рѣка Дзапхынъ, впадающая въ Киргизъ-норъ.

---

*) Хуре, хурень монастырь.
**) Аилъ—войлочная юрта.

Мутная сѣроватаго цвѣта вода его медленно пробиралась среди глинистыхъ береговъ. Дорога, по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, постепенно терялась.

Опредѣленнаго пути черезъ рѣку нѣтъ; каждый разъ приходится искать бродъ, при чемъ проѣхавши разъ, второй разъ по этому мѣсту опасно ѣхать, такъ какъ, благодаря глинисто-песчаному дну ея, часто образуются ямы и наносы.

Одинъ изъ подъѣхавшихъ монголовъ взялся найти намъ бродъ.

Черезъ полчаса, внимательно осмотрѣвъ дорогу, мы стали переѣзжать.

Я съ дѣдушкой въ телѣжкѣ ѣхала впереди, за мной въ повозкѣ г-жа Игнатьева. Вдругъ на самой срединѣ рѣки наша коренная лошадь упала, на нее наскочили пристяжныя, началась борьба. Телѣжку навалили, я выскочила изъ воды на выдающійся конецъ ея, дѣдушка весь сидѣлъ въ водѣ. Лошади усиленно бились, струя воды хлестала и сшибала съ ногъ, телѣга постепенно погружалась въ глинистое дно. Я посмотрѣла назадъ—повозка тоже навалилась. Картина была ужасно печальная. Выбраться не было никакой возможности, а вода чѣмъ дальше тѣмъ больше и больше захватывала въ свои объятья.

Наконецъ, сбѣжавшіеся монголы съ трудомъ насъ вытащили.

Больше половины багажа потонуло, въ томъ числѣ погибъ провіантъ, одежда, часть энтомологическаго снаряженія, сѣтки съ гербаріемъ, мой паспортъ и много другихъ мелочей. Когда мы вышли на берегъ, вода ручьями лилась съ насъ, переодѣться было не во что, погрѣться негдѣ. Ни аргыла, ни дровъ не было.

Спустя нѣкоторое время монголы привезли намъ чаю, аруловъ*) и аргылу. Наши оставшіеся сухари превратились, смѣшавшись отчасти съ пескомъ, въ кашу, ко-

*) Арулъ—сыръ.

торую скрѣпя сердце все таки приходилось ѣсть; больше ничего не было.

Цѣлый день мы ходили и сидѣли на солнцѣ, просушивая такимъ образомъ свои платья.

Монголы толпились около насъ до самаго вечера. Нѣкоторые, узнавъ отъ нашего монгола Амыра, что я наканунѣ поймала тарантула, „цаганъ тэме", приписывали всю причину нашего несчастья этому дѣйствію. Многіе съ любопытствомъ разсматривали, и переспрашивали по многу разъ, просушиваемыя мною коробки, вату, сѣтки и оставшуюся одежду.

---

20 іюня.

Полумокрыя, полусонныя, взявъ съ собой воды для полдневки, мы на другой день выѣхали въ 3 часа утра.

Дорога шла сначала по гладкой ровной поверхности, усыпанной мелкой галькой, затѣмъ вышла къ рѣкѣ Кунгую, протекающему среди песковъ. Карагана и цвѣтущій шабыкъ покрывали пески. Песокъ былъ глубокій; большую часть пути приходилось идти пѣшкомъ.

Въ 7 часовъ мы остановились почевать на лѣвомъ берегу Кунгуя.

---

21 іюня.

Ѣхали вверхъ по Кунгую; пески, идущіе по правому берегу, постепенно возвышаясь, перешли въ огромные бугры, напоминающіе морскія волны.

Въ 4 часа мы подъѣхали къ невысокимъ остроконечнымъ каменистымъ горкамъ, одиноко возвышавшимся среди песчаной поверхности, Баинъ уланъ. Одна изъ нихъ стояла по лѣвую сторону рѣки, три остальныя по правую, при чемъ третья находилась совсѣмъ отдѣльно отъ первыхъ.

Существуетъ легенда, что эти горки служили когда то ножками тагана у одного изъ богатырей.

Однажды въ военное время богатырь варилъ на этомъ таганѣ мясо: вдругъ появились солдаты, преслѣдуемые врагами; въ моментъ бѣгства они набѣжали на таганъ и разбили его, одна изъ разбитыхъ ножекъ отлетѣла за рѣку дальше всѣхъ, отчего и получила свое названіе Ширь Хайрханъ—„бѣдная ножка". По преданію, на одной изъ этихъ горъ и до сихъ поръ еще сохранились обломки чаши и ковша.

Проѣхавъ Баинъ уланы, мы остановились ночевать. Шелъ мелкій дождикъ. По сосѣдству находились аилы, въ которыхъ мы купили аргылу и аруловъ (сырчиковъ).

---

22 іюня.

Въ 6 часовъ утра, поднявшись на небольшую горку, мы увидѣли передъ собой постройки русскаго купца Минина.

Нѣсколько лѣсинъ стараго березника и нѣсколько сѣрыхъ глиняныхъ построекъ стояли на неширокой полянѣ, ограниченной съ одной стороны песчаными волнообразными горами, съ другой рѣкой Кунгуемъ. Длинная изгородь окружала постройки.

Переѣхавъ Кунгуй, мы заѣхали къ Мининымъ. Я и мой ямщикъ остались здѣсь ночевать, цѣлый день просушивая свои вещи; г-жа Игнатьева, совсѣмъ распростившись съ нами, уѣхала въ Улясутай.

---

23 іюня.

Взявъ съ собой монгола проводника, хлѣба, чаю и сахару мы въ 8 часовъ выѣхали отъ Мининыхъ.

Дорога шла сначала песками, затѣмъ небольшими перевалами, за которыми вышла на гладкую степь, покрытую невысокой травой. Вправо отъ насъ возвыша-

лись голыя горы, влѣво далеко виднѣлся Кунгуй съ песчаными берегами, постепенно исчезая въ горахъ.

Въ 3 часа мы остановились полдневать у колодца Яро-хутыкъ. Удивительно свѣтлая холодная вода наполняла его. Около колодца толпились, допускаемыя по очереди, стада барановъ. Сполверсты отъ него стояли аилы.

Монголы за все время нашего пребыванія тутъ, толпой окружали насъ.

Въ 5 часовъ, взявъ воды для ночевки, мы выѣхали. Дорога шла все время небольшими перевалами, покрытыми невысокой степной травой.

---

24 іюня.

Въ 7 часовъ утра мы спустились къ рѣчкѣ Усунъ-Дзуль, гдѣ, напоивъ лошадей, свернули къ сѣверо-востоку отъ Улясутайской дороги.

Дорога шла сначала въ гору, затѣмъ спустилась къ озеру Хагъ-норъ, находящемуся отъ Уланъ Эрига въ четырехъ верстахъ. Утки и гуси большими стадами плавали по озеру. По правую сторону отъ насъ за озеромъ начинались горы, сѣверный склонъ которыхъ былъ покрытъ лѣсомъ. Въ 12 часовъ мы подъѣхали къ Уланъ-Эригу. Показались глиняныя постройки, изгороди, горки, рѣчки, вмигъ мелькнуло въ головѣ дѣтство, котораго большая часть протекла здѣсь.

Показались родные, монголы, всѣ съ радостью бросились навстрѣчу.

Уставшая и разбитая, я съ восторгомъ думала о предстоящемъ отдыхѣ.

По пріѣздѣ въ Уланъ-Эригъ, мнѣ вскорѣ пришлось слышать довольно интересный разсказъ о растеніи „банъ-семберю".

„Банъ-семберю" считается завѣтнымъ цвѣткомъ и употребляется монголами для лѣкарства (отъ болѣзней преимущественно нервныхъ).

Растетъ онъ на высокихъ горахъ, среди громадныхъ каменныхъ глыбъ, гдѣ трудно себѣ представить существованіе какой либо растительности. По виду своему, внѣшняя часть его напоминаетъ репей, но по размѣрамъ своимъ значительно превосходитъ его.

Листья внизу широкіе, зеленоватаго цвѣта, вверху же совсѣмъ блѣдные. Когда смотришь издали, то видишь, какъ будто капустный вилокъ. Растетъ, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать отъ монголовъ и впослѣдствіи наблюдать самой, парами; если есть одинъ экземпляръ, то обязательно на нѣкоторомъ разстояніи есть и другой. Растеніе имѣетъ рѣзкій запахъ, напоминающій отчасти запахъ смородины.

Монголы копаютъ банъ-семберю съ большой осторожностью. Прежде чѣмъ выкопать, нужно знать, какъ копать; монголы поступаютъ такимъ образомъ; прежде ставятъ надъ растеніемъ палатку, или закрываютъ его широкимъ платкомъ, затѣмъ приступаютъ къ выкапыванію.

Если подобное правило не будетъ соблюдено, то надъ копающимъ вмигъ соберется туча, разразится громъ и молнія, и тутъ же можетъ убить преступника.

Этотъ разсказъ очень заинтересовалъ меня. Воспользовавшись поѣздкой моего отца на охоту въ мѣстность Хасапчу, лежащую въ 10 верстахъ отъ Уланъ-Эрига, я тоже отправилась, такъ какъ только въ Хасапчѣ, по разсказамъ ламы Чутыма (извѣстнаго доктора), находится это растеніе.

Въ сопровожденіи Чутыма и еще нѣсколькихъ монголовъ, мы отправились 6-го іюля.

Намъ пришлось взбираться верхомъ на высокую гору, покрытую внизу густымъ хвойнымъ лѣсомъ, который постепенно переходилъ въ низкорослый ползучій березникъ и верескъ, затѣмъ, въ болотистую кочковатую поверхность, за которой начинались сплошныя каменныя глыбы.

Послѣ 2-хъ часового подъема, мы приблизились къ желанному мысу.

Среди камней вскорѣ показался „банъ-семберю", разбросанный рѣдко и дѣйствительно удовлетворяющій разсказамъ монголовъ о парности.

Чутымъ быстро слѣзъ съ лошади, осторожно подошелъ къ каждому растенію и внимательно осмотрѣвъ, просилъ насъ не брать растеній безъ него. Намъ пришлось подчиниться правиламъ.

Чутымъ самъ тщательно укрывалъ каждое растеніе платкомъ и увязавъ крѣпко концы его у самаго корня, только тогда позволялъ копать.

Такимъ образомъ мы взяли 8 экземпляровъ. Не смотря на то, что мы подчинялись всѣмъ правиламъ, монголы все таки какъ то скептически смотрѣли на насъ и не разъ отрицательно относились къ моимъ затѣямъ.

Часамъ къ 2 дня мы, съ трудомъ пробираясь среди болотъ и камней, спустились въ лѣсъ, гдѣ расположившись у костра, въ ожиданіи возвращенія моего отца съ охоты, долго болтали съ Чутымомъ о растеніяхъ.

Чутымъ пользовался большой популярностью среди монголовъ Уланъ-Эрига, и лѣчилъ своихъ паціентовъ исключительно травами, которыя въ большомъ количествѣ собираетъ въ іюнѣ и іюлѣ, но банъ-семберю онъ избѣгалъ брать, боясь навлечь на себя гнѣвъ тэнгри (неба). Онъ мрачно посматривалъ на выкопанныя растенія и предупреждалъ меня обходиться очень осторожно.

Въ 7 часовъ мы отправились домой.

6 экземпляровъ изъ привезенныхъ растеній я засушила, а 2 поставила въ ведро съ водой. На другой день утромъ меня поразило странное поведеніе моихъ цвѣтовъ. Какъ только я вошла въ комнату, вдругъ услышала непрерывное шипѣніе, какъ будто банъ-семберю на что то сердилось. На поверхности воды появлялись небольшіе пузырьки, видимо, отъ выходящаго газа; рѣзкій запахъ цвѣтовъ постепенно исчезалъ.

И еще болѣе странно было то, что мрачное предчувствіе Чутыма сбылось; на другой день пошелъ страшный дождь, продолжавшійся съ небольшими перерывами въ теченіе цѣлаго мѣсяца и причинившій много бѣдъ.

Монголы нѣсколько разъ являлись къ моему отцу и указывали причину бѣдствія въ выкапываніи банъ-семберю.

Наконецъ, такіе разговоры сдѣлались настолько частыми и настолько непріятными, что отецъ мой, боясь навлечь на себя гнѣвъ монголовъ, пришелъ однажды и выбросилъ мои растенія изъ воды.

Такимъ образомъ, я лишилась возможности наблюдать за страннымъ поведеніемъ своихъ цвѣтовъ*).

---

10 іюля 1911 г.

Поѣздка на Богдо-Улу.

До 10 іюля я жила въ Уланъ-Эригѣ, приводя въ порядокъ свое энтомологическое снаряженіе и посвящая все свободное время собиранію растеній, жуковъ и бабочекъ. Съ 10-го мы съ мамой, въ сопровожденіи 2-хъ монголовъ, отправились верхомъ съ нѣсколькими вьючными лошадьми на бѣлокъ Очиръ-Вани.

Эта поѣздка приводила въ изумленіе многихъ монголовъ. Цѣль ея (собираніе растеній) мы старались по возможности скрыть, такъ какъ, вслѣдствіе какихъ либо стихійныхъ бѣдствій, вся вина могла пасть на насъ, ибо гора считалась святой, а поэтому, естественно, и растенія, собранныя со святой горы, считались святыми и завѣтными.

---

*) Банъ-семберю, растеніе, близкое къ Haplotaxis involucrata или Saussurea involucrata, которое принадлежитъ къ числу малораспространенныхъ. Мѣста его нахожденія на перечетъ. Вотъ списокъ этихъ мѣстъ, любезно сообщенный для нашего изданія В. В. Сапожниковымъ:

Карелинъ въ 1840 г.г., Джунгарскій Алатау, верховья р. Сархана.

Сапожниковъ, В. В. Джунгарскій Алатау, р. Лопса. 1904 г.

Тянь-шань, р. Куелю, притокъ р. Сарыджасъ, альпійская тундра. 1902 г.

Р. Иныльчекъ, въ 10 верст. отъ ледника, альпійскія луговины, на горахъ праваго берега. 1912 г.

Перевалъ Тезъ, каменистыя розсыпи, 1912 г.

Г. Потанинъ.

Большого труда намъ стоило уговорить проводника довести до самой горы.

Изъ Уланъ-Эрига дорога шла среди горъ, сѣверный склонъ которыхъ покрывался хвойнымъ лѣсомъ, а южный—степной травой, между которой встрѣчались огромныя поля мелкихъ бѣленькихъ цвѣточковъ и сиреневыхъ маргаритокъ.

Проѣхавъ рѣку Джигистай, мы отправились въ юго-восточномъ направленіи. Путь лежалъ къ озеру Цаганъ-норъ черезъ Аршанъ-голъ, нѣсколько небольшихъ переваловъ, р.р. большой Богдынъ-голъ и малый Богдынъ-голъ, которыя, сливаясь вмѣстѣ, давали Богдынъ-голъ.

За Богдынъ-голомъ мы увидали влѣво отъ насъ Очиръ-Вани, стройно поднимающійся среди другихъ горъ, окружающихъ его отвѣсными скалами.

При видѣ святой горы Джюрмитъ (проводникъ) началъ молиться, прикладывая къ лицу, сложенныя ладонями вмѣстѣ руки, при неясномъ напѣвѣ молитвы.

Отъ Цаганъ-нора дорога шла мимо небольшого озера Кохъ-норъ, направляясь постепенно отъ сѣверо-востока къ сѣверу.

Часто приходилось пересѣкать небольшіе перевалы, покрытые неровной болотистой почвой, вслѣдствіе чего ѣхали медленно.

Дулъ холодный вѣтеръ, растительность чѣмъ дальше, тѣмъ становилась бѣднѣе. Лѣсъ на окружающихъ горахъ постепенно исчезалъ, его замѣняла или невысокая трава, или каменныя глыбы, образуя сѣраго цвѣта покровъ.

13-го въ 9 часовъ утра мы подъѣхали съ восточной стороны къ бѣлку. Солнце ярко освѣщало бѣлую серебристую верхушку его. Съ сѣвера и юга примыкали крутыя, частью отвѣсныя горы.

У подножія Очиръ-Вани, среди отвѣсныхъ отроговъ южнаго хребта, находится небольшое, но глубокое горное озеро Батара-хундыкъ (кубокъ богатыря), вода котораго слыветъ святою и цѣлебной.

Очиръ-Вани называется еще Богдо-Ула (святая гора), а за высоту ея Отъханъ тенгри (младшая изъ подъ небесныхъ) или Отъ-ханъ хаиръ-ханъ.

Мы остановились верстахъ въ трехъ отъ подошвы, уступая въ данномъ случаѣ желанію проводника, который увѣрялъ, что вблизи останавливаться нельзя, такъ какъ за рѣчкой начиналось святое мѣсто, остановившись на которомъ, мы могли бы дымомъ отъ нашего костра осквернить и это мѣсто и святую гору.

Раскинувъ палатку и напившись чаю, я, мама и Джюрмитъ отправились верхомъ къ горѣ, забравъ сѣтки и лопаточки для выкапыванія растеній.

Не доѣзжая съ полверсты до подошвы, мы остановились у небольшого пригорка, на которомъ находилось обо, состоящее изъ деревяннаго квадратнаго сруба, до верха наполненнаго камнями. Надъ срубомъ возвышался, воткнутый въ камни, пучкообразный кустъ съ навѣшанными на немъ ленточками. Къ западу и къ востоку отъ сруба шли длинныя вереницы столбиковъ, сложенныхъ изъ камней, при чемъ, съ восточной стороны, передъ самымъ срубомъ стояла кувшинообразная чаша, въ которой оставались еще признаки пепла отъ сожженнаго арца (вереска). Недѣли за полторы до нашего пріѣзда, монголы здѣсь совершали богослуженіе.

Осмотрѣвъ обо, мы подъѣхали къ Батара-хундыку; мама съ лошадьми осталась у озера, а мы съ монголомъ стали взбираться на верхъ.

Огромнѣйшія каменныя глыбы были разбросаны по всей горѣ, раздѣляясь изрѣдка небольшой полоской, крытой щебнемъ, или травкой съ маленькими цвѣточками, среди которыхъ преобладали сѣрые колокольчики. Иногда среди глыбъ встрѣчался банъ сemберю.

Солнце, ярко свѣтившее съ утра, къ полдню закрылось темными тучами. Туманъ на вершинѣ Очиръ-Вани все больше и больше сгущался, быстро проносясь по горѣ. Облака клубились, собираясь въ большія тучи, которыя лучеобразно расходились отъ бѣлка.

Подувалъ легкій вѣтерокъ, накрапывалъ мелкій дождикъ, переходя постепенно въ болѣе крупный и частый.

Мы торопливо взбирались на гору, успѣвая копать попадающіяся по дорогѣ цвѣты. На половинѣ горы насъ захватилъ сильный дождь, промочивъ совсѣмъ наши платья. Не смотря на это, мы продолжали свой путь.

Желаніе добраться до самаго снѣга не покидало ни на минуту.

По мѣрѣ приближенія къ верхушкѣ, растительность исчезала, оставались одни только камни.

Добравшись до ледяного покрова, мы остановились. Вѣтеръ, смѣшанный съ дождемъ, непріятно хлесталъ въ лицо.

Мой спутникъ, монголъ, помолился, затѣмъ откололъ нѣсколько льдинокъ и пососавъ нѣкоторыя изъ нихъ, сложилъ въ платокъ.

Увидѣвъ, что я съ любопытствомъ смотрю на него, онъ сталъ упорно настаивать, чтобы и я поѣла этого святого льду. Послѣ непродолжительнаго спора, я, чтобы удовлетворить желаніе Джюрмита, потерла свои руки объ ледъ, обмывъ такимъ образомъ приставшую къ пальцамъ землю; этого оказалось достаточно.

Набравъ такимъ образомъ льду и цвѣтовъ, мы стали спускаться.

Темное озеро лежало подъ ногами; волны съ шумомъ ходили по нему, разбиваясь въ мелкія дребезги о прибрежныя скалы.

Кругомъ было глухо, безлюдно. Въ 5 часовъ мы вернулись въ палатку. Переодѣвшись въ сухое платье, мы расположились у огня, разбираясь съ цвѣтами. Дождикъ все больше и больше усиливался. Дымъ, завиваемый вѣтромъ, наполнялъ всю палатку, до слезъ выѣдая глаза.

Принесенный ледъ Джюрмитъ сложилъ въ чайникъ, поставилъ его на огонь, и послѣ того, какъ вода начала закипать, всыпалъ въ нее изрядное количество талкану, замѣсивъ такимъ образомъ густое тѣсто, которое съ этого момента сдѣлалось святымъ.

Впослѣдствіи Джюрмитъ везъ его до самаго дома, давая лишь счастливцамъ по маленькому кусочку.

На утро дождь пересталъ. Туманъ густымъ слоемъ покрывалъ Очиръ-Вани. Мое желаніе поѣхать дальше къ небольшой рѣчкѣ Алтынъ-элисъ (золотой песокъ), о которой мнѣ не разъ давали интересныя свѣдѣнія, не сбылось, вслѣдствіе того, что привезенныхъ дровъ у насъ оставалось мало, а достать ни деревьевъ, ни аргылу нельзя было за нѣсколько верстъ.

Мы отправились обратно.

Дорога шла внизъ по Богдынъ-голу и пересѣкала его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Улясутая.

15-го мы добрались до Уланъ-Эрига.

Возвращеніе въ Улалу.

2 августа.

Мы выѣхали изъ Уланъ-Эрига. Монголы ласково прощались со мной. Просили пріѣхать на будущій годъ.

Одинъ лама, хорошій мой пріятель, пожелалъ мнѣ научиться хорошо монгольскому языку и разсказать имъ о нашей жизни въ Педоринѣ (Петербургѣ).

Стояло ясное хорошее утро. Солнце какъ будто бы тоже привѣтливо посылало намъ на прощанье свои осенніе лучи.

Мнѣ вдругъ стало грустно; сердечное отношеніе монголовъ до глубины души растрогало меня.

Въ 12 часовъ мы отправились. Позади долго слышались восклицанія „Кавушка, Кавушка, сайнъ!“ *) Вскорѣ все скрылось.

---

*) Монголы меня называли Кава, вмѣсто Капа и „Кавушка“, вмѣсто Капушка.

„Сайнъ“ букв. перев.—„хорошо“. Здѣсь въ смыслѣ „до свиданія, счастливаго пути“.

6 августа.

Дорогой мы узнали, что Дзапхынъ разлился вслѣдствіе дождливаго лѣта. Перспектива представлялась не изъ пріятныхъ. 19 іюня было еще живо въ памяти. Мы рѣшили ѣхать кругомъ, мимо озера Киргизъ-норъ.

Эта дорога являлась для насъ новой. Мама ужасалась при мысли ѣхать незнакомымъ путемъ, но благодаря моимъ настойчивымъ просьбамъ и убѣжденіямъ, всѣ поѣхали.

Ѣхали снова: г-жа Игнатьева съ Катей, Марой и монголомъ, я, мама, 2-ое нашихъ рабочихъ и дѣдушка. 6 августа мы свернули въ Хара-усу съ главной дороги Ихэ-дзамъ вправо, пересѣкли Кунгуй и направились черезъ песчаный перевалъ, пересѣкая его поперекъ, къ озеру Гунъ-норъ. Песокъ тянулся верстъ на 10, переходя то въ высокіе бугры, то въ ровную гладкую поверхность, сплошь покрытую созрѣвающей хлѣбницей харъ-суль и цаганъ-суль. Этими растеніями въ дикомъ состояніи бываютъ покрыты цѣлыя поляны.

Монголы ножами срѣзаютъ эти колосья харъ-суль, затѣмъ выбиваютъ палками зерна, которыя уже растираютъ камнями въ муку.

Цаганъ-суль собираютъ нѣсколько иначе. Они не срѣзаютъ колосьевъ, но вытрясаютъ ихъ на корню и затѣмъ приготовляютъ муку такъ же какъ и изъ хара-суль*).

Лошади съ трудомъ, изнемогая отъ жары и на четверть погружаясь въ песокъ, тащили наши повозки.

---

*) Хара-суль, Ammophila (Psamma) villosa Maxim. Водится около Улясутая и во многихъ другихъ мѣстахъ Западной Монголіи, встрѣчается въ Алашанѣ, въ Ордосѣ и на Желтой рѣкѣ около Хэ-коу (было найдено Г. Н. Потанинымъ). Цаганъ-суль, Elymus giganteus Vahl. Широко распространенный видъ (южн. Россія, сѣв. Кавказъ, степи киргизскія и прикаспійскія, весь Туркестанъ, Алтай, сѣверо-западная Монголія), который нѣкоторые ботаники считаютъ лишь разновидностью обыкновеннаго Elymus arenarius L. И. В. Палибинъ.

За самымъ переваломъ лежало небольшое озеро (Гунъ-норъ), передъ которымъ по дорогѣ встрѣчались глыбы отвердѣвшаго песку.

По совѣту нашего проводника монгола, мы, взявъ воды, уѣхали ночевать въ гору. Кругомъ было тихо, глухо; порой даже чувствовалось какое-то унынiе среди незнакомыхъ мѣстностей.

---

7 августа.

Въ 7 часовъ утра мы выѣхали. Дорога шла небольшими перевалами съ песчаной поверхностью, крытой караганой и шабыкомъ. Иногда по дорогѣ встрѣчались кварцевыя породы, идя то небольшими выступами, то длинными грядами, направляющимися больше съ сѣвера на югъ. День стоялъ жаркiй, вода встрѣчалась рѣдко. На пути пересѣкли рѣчку Кульджи, и кромѣ ея до вечера воды не было.

Въ 5 часовъ съ перевала показалось озеро Киргизъ-норъ. Его синяя гладкая поверхность уходила далеко и казалось, какъ будто сливалась съ небосклономъ. Направо отъ озера шла длинная гряда горъ.

Дорога спускалась къ озеру равниной, усыпанной мелкой галькой, по которой изрѣдка пробѣгали оригинальными скачками, съ опущенной книзу головой, животныя *бухунъ* *), по виду напоминающiя козловъ.

Въ 8 часовъ мы спустились ночевать къ ключамъ около озера.

---

8 августа.

Утромъ проѣхали мѣстность Кокъ-дерисъ, гдѣ взяли новаго проводника.

Дорога шла все время вдоль озера Киргизъ-норъ, по ровной дресвяной поверхности, крытой клочками не гус-

---

*) Бухунъ—монгольское названiе.

той травы, среди которой выдѣлялись не высокіе съ розовыми цвѣтами колючіе кусты. Изрѣдка попадались небольшіе участки, крытые дересуномъ. Часто, казалось, можно было видѣть вдали конецъ озера. но какъ только подъѣзжали ближе онъ снова уходилъ въ безграничную даль. Ночевали на берегу озера у ключей, которые представляли небольшія, но глубокія ямы, до верху наполненныя прозрачной холодной водой.

---

9 августа.

Нѣсколько времени ѣхали вдоль озера. Наконецъ, къ полдню озеро кончилось и мы отправились въ юго-западномъ направленіи. Дорога шла по ненаселенной мѣстности; часто встрѣчались некрутые перевалы съ мелко—каменистой почвой.

Въ 2 часа нашъ проводникъ дербетъ вдругъ къ всеобщему ужасу заявилъ, что лошадь у него устала и дорогу онъ дальше забылъ. Было-ли это правдой, или онъ не хотѣлъ вести,—не знаю, но только дербетъ упорно настаивалъ дать ему расчетъ. Остаться однимъ значило въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ сидѣть безъ воды. Послѣ долгихъ просьбъ и значительной прибавки дербетъ согласился ѣхать дальше.

Черезъ нѣсколько времени дорожка затерялась среди дересуна. Налѣво въ горѣ виднѣлась неширокая тропинка, по которой повелъ насъ дербетъ, но часа черезъ 3 проводникъ снова заявилъ, что мы ѣдемъ совсѣмъ не въ ту сторону. Надвигалась ночь, воды не было; непоеныя съ утра и измученныя зноемъ лошади отказывались везти.

Съ глубокой печалью и не зная, что дѣлать, мы ѣхали дальше. Наконецъ, къ западу отъ насъ что-то блеснуло,—оказалось небольшое озеро. Вмигъ всѣми овладѣла радость. Напрягая послѣднія силы, мы добрались

до него, но вода оказалась горько-соленой, послѣднія надежды были разбиты. Ѣхать дальше было нельзя. Остановившись у озера, мы стали ходить кругомъ него, надѣясь, можетъ быть, что нибудь найти; вдругъ, точно свершилось чудо: передъ нами среди кочекъ появилась небольшая яма, наполненная прѣсной водой.

Каждый съ восторженными криками подбѣгалъ къ ямѣ и, набравъ въ горсть воды, старался испытать вкусъ ея.

Послѣ этого, наполнивъ чайники водой и напоивъ лошадей, мы мирко расположились у яркаго огонька, отдыхая отъ дневной усталости.

---

10 августа.

Утромъ проводникъ покинулъ насъ. Оставшись одни, мы долго находились въ раздумьи, въ какую сторону поѣхать. Мама была въ страшномъ уныніи. Всѣми овладѣла тоска. Никто не зналъ, что будетъ къ вечеру.

Наполнивъ всѣ чайники, бутылки и боченки водой, мы отправились въ юго-западномъ направленіи, гдѣ, по чьему то убѣжденію, должна была быть дорога.

Намъ пришлось верстъ 5 ѣхать мѣстностью, сплошь усѣянной кочками и оврагами, изъ которыхъ нашимъ повозкамъ приходилось выбираться съ большими усиліями.

За ними простиралась громадная степь, покрытая высокимъ кипцомъ*) (степная трава, растущая пучками).

Вдали къ западу виднѣлись бѣлки, къ югу простирался длинный, темный горный хребетъ.

День былъ жаркій, кругомъ стояла удивительная тишина, ни одно живое существо не нарушало ея, все какъ будто было въ какомъ то торжественномъ оцѣпенѣніи

---

*) Festuca ovina.

Вдали, то направо, то прямо противъ насъ можно было наблюдать миражъ, смутно отражающій воду, съ колеблющимися кругомъ ея невысокими кустами.

Наши рабочіе принимали сначала это за озеро или большую рѣку.

Къ 2 часамъ дня передъ нами точно выросли изъ земли 4-ре дербетскихъ аила; за версту отъ нихъ паслись стада верблюдовъ.

Это для насъ было большой неожиданностью. Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли вышедшаго къ намъ на встрѣчу стараго дербета. Несмотря на его преклонный возрастъ, въ лицѣ его проглядывала отвага и мужество. Видимо, удивленный такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, онъ медленно подошелъ къ намъ. На предлагаемые вопросы отвѣчалъ коротко и сухо.

Мы нѣсколько времени искали глазами ключа или колодца, но ни того ни другого не было. Оказалось, что обитатели этой степи запасались на нѣсколько дней водой, привозя ее изъ колодца, куда черезъ каждые 3—4 дня гоняли стада верблюдовъ на водопой.

Вскорѣ вышелъ молодой дербетъ, сынъ перваго, за нимъ его жена, больше никого не было; остальные аилы, въ которыхъ жили пастухи, стояли пустыми.

Меня поразила наружность дербетки. Ея полуовальное, съ чуть замѣтными выступами скулъ, лицо было мало похоже на монгольское. Его покрывалъ нѣжный румянецъ и особенно привлекали вниманіе черные блестящіе глаза. Ея стройность и живость приводили меня въ изумленіе.

Я первый разъ среди монгольскихъ племенъ встрѣтила такое лицо, и какъ то странно казалось среди дикой пустынной степи, гдѣ не подозрѣваешь о чьемъ либо существованіи, вдругъ увидѣть такую самобытную красоту.

Въ то время какъ наши вели переговоры съ дербетомъ относительно дороги, я и А. В. подошли къ его

молодой женѣ. Обмѣнявшись привѣтливо нѣсколькими словами, мы вошли въ аилъ. На полу у тагана, смѣясь, игралъ ея 2-хъ лѣтній ребенокъ.

Въ аилѣ было чисто, печать довольства и счастливой семейной жизни, казалось, лежала на всемъ.

Дербетка съ любопытствомъ разсматривала насъ, затѣмъ улыбаясь, налила изъ кожанаго мѣшка въ чашки простокваши (тарыгъ) и угощала всѣхъ насъ поочередно, за что мы ее отдарили французскимъ печеньемъ и сахаромъ.

Съ трудомъ уговоривъ дербета за два лана серебра довести насъ до дороги, въ 3 часа мы оставили аилы.

Дорога лежала значительно на западъ. Мы ѣхали все той же степью. Въ 7 часовъ показался колодецъ, окруженный нѣсколькими аилами. До дороги было еще далеко. Взявъ воды и напоивъ лошадей, мы отъѣхали отъ колодца нѣсколько верстъ, остановившись ночевать въ котловинѣ, среди невысокихъ переваловъ.

———

11 августа.

Проводникъ вернулся домой, пришлось взять другого. Ѣхали небольшими перевалами, которые не рѣдко переходили въ узкія ущелья.

Къ полдню спустились къ рѣкѣ Орлогой, за которой началась торная дорога, ведущая къ главной Ихэдзамъ*).

Къ вечеру мы выѣхали на Намиръ; влѣво отъ насъ виднѣлась, въ видѣ черной точки, намирская хуре. Это уже была знакомая дорога. Вздохъ облегченія вырвался изъ груди. Отсюда можно было съ математической точностью вычислить всѣ остановки и количество дней, оставшихся до границы.

———

*) Ихэ-дзамъ, по монг. „большая дорога“.

16 августа.

Проѣхавъ еще разъ Харъ-Магнай, мы добрались до границы. На восточной сторонѣ горы Ташенты стояло нѣсколько аиловъ, въ которыхъ обитали монголы, контролирующіе русскіе паспорта. Это было послѣднее напоминаніе о Монголіи.

Дальше слѣдовала степь, за ней Кошъ-агачъ и Чуйскій трактъ, описанный мною вначалѣ.

Списокъ растеній,

собранныхъ въ Зап. Монголіи лѣтомъ 1911 г.

К. Юргановой.

Ranunculaceae.

№ 1. *Atragene alpina* L., цвѣты. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрига). 28 іюня 1911 г.

№ 2. *Thalictrum petaloideum* L. цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

№ 3. *Ranunculus pulchellus* C. A. Mey, цв. Окрестности Уланъ-Эрига. 2 і·ля 1911 г.

№ 4. *Aconitum Napellus* L., цв. Мѣстн. Хасапча. 8 іюля 1911 г.

№ 5. *Aconitum barbatum Patr.*, цв. Долина р. Чужимъ-Салаколъ. 14 іюля 1911 г.

Papaveraceae.

№ 6. *Papaver alpinum* L., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

Cruciferae.

№ 7. *Alyssum alpestre* L., цв., незр. плоды. Окрестности Уланъ-Эрига. 4 іюля 1911 г.

№ 8. *Draba nemorosa* L., цв., незр. плоды. Окрестности Уланъ-Эрига 4 іюля 1911 г.

№ 9. *Dontostemon perennis* C. A. Mey, цв., незр. плоды. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

№ 10. *Erysimum altaicum* C. A. Mey, цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

Sileneae.

№ 11. *Dianthus Seguieri* Vill., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 28 іюля 1911 г.

№ 12. *Silene graminifolia* Otth., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 13. *Silene repens* Patr., цв. Окрестности Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 14. *Lychnis apetala* L., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани), 13 іюля 1911 г.

Alsineae.

№ 15. *Alsine verna* Bartl., цв. Окрестности Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 16. *Arenaria formosa* Fisch., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 28 іюля 1911 г.

№ 17. *Cerastium lithospermifolium* Fisch., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 18. *Cerastium vulgatum* L., цв. Окрестн. Уланъ Эрига. 2 іюля 1911 г.

Geraniaceae.

№ 19. *Geranium pratense* L., цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

Zygophyllaceae.

№ 20. *Zygophyllum pterocarpum* Bge., плоды. Цаганъ-норъ. 14 августа 1911 г.

№ 21. *Zygophyllum Fabago* L., плоды. Мѣстн. у озера Киргизъ-норъ. 8 іюля 1911 г.

Papilionaceae.

№ 22. *Oxytropis glabra* DC., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 23. *Oxytropis Tschujae* Bge., цв. Гора Богдо-ула. 13 іюля 1911 г.

№ 24. *Astragalus mongholicus* Bge., цв., незр. плоды. Долина р. Богдынъ-колъ. 15 іюля 1911 г.

№ 25. *Astragalus argutensis* Bde., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 26. *Astragalus follicularis* Pall., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 4 іюля 1911 г.

№ 27. *Vicia Cracca* L. v. genuina Trautv., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 28 іюля 1911 г.

№ 28. *Hedysarum obscurum* L., цв. Гора Богдо-ула. 13 іюля 1911 г.

Rosaceae.

№ 29. *Potentilla fruticosa* L., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрига). 28 іюля 1911 г.

№ 30. *Potentilla nivea* L., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрига) 28 іюля 1911 г.

№ 31. *Potentilla anserina* L., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 32. *Rosa acicularis* Lindl., цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

№ 33. *Sanguisorba officinalis* L., цв. Окрестности Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

Reaumuriaceae.

№ 34. *Hololachne soongorica* Ehrenb., цв. Мѣстн. у озера Киргизъ-поръ. 8 августа 1911 г.

Crassulaceae.

№ 35. *Sedum quadrifidum* Pall., листья. Гора Богдо-ула. 13 іюля 1911 г.

№ 36. *Sedum Rhodiola* DC., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрига). 28 іюля 1911 г.

Saxifragaceae.

№ 37. *Parnassia palustris* L., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 28 іюля 1911 г.

Caprifoliaceae.

№ 38. *Lonicera hispida* Pall., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

Compositae.

№ 39. *Aster alpinus* L., цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

№ 40. *Erigeron uniflorus* L., цв., незр. плоды. Гора Богдо-ула. 13 іюля 1911 г.

№ 41. *Leontopodium alpinum* Cass., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 28 іюля 1911 г.

№ 42 *Doronicum altaicum* Pall., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 43. *Ligularia sibirica* Cass., цв. Долина р. Чужимъ-Салаколъ. 14 іюля 1911 г.

№ 44. *Senecio resedaefolius* Less., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 45. *Senecio frigidus* Less., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 46. *Senecio campestris* DC., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 4 іюля 1911 г.

№ 47. *Saussurea pygmaea* Spreng., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 48. *Saussurea* sp., цв. Зап. Монголія. Банъ-семберю. Мѣстн. Хасапча. 8 іюля 1911 г.

Видъ, близкій къ S. involucrata (Haplotaxis involucrata Karel. et Kiril.), но съ болѣе высокимъ и мощнымъ, густо облиственнымъ стеблемъ. Прицвѣтные листья по цвѣту и формѣ мало отличаются отъ стеблевыхъ, тогда какъ у S. involucrata они шире и свѣтлѣе стеблевыхъ листьевъ. Листочки обвертки болѣе узкіе и не голые, какъ у S. involucrata, а покрытые длинными бѣлыми волосками.

№ 49. *Scorzonera radiata* Fisch., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрика). 28 іюля 1911 г.

№ 50. *Taraxacum officinale* Wigg., цв. Окрестн. Уланъ-Эрига. 2 іюля 1911 г.

№ 51. *Crepis chrysantha* Turcz. v. incisa., цв Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

Campanulaceae.

№ 52. *Campanula Steveni* M-a Bieb., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрига). 28 іюля 1911 г.

Primulaceae.

№ 53. *Primula nivalis* Pall., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрика). 28 іюля 1911 г.

№ 54. *Primula sibirica* Jacq., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 2 іюля 1911 г.

Gentianeae.

№ 55. *Gentiana barbata* Froel., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 28 іюля 1911 г.

№ 56. *Gentiana algida* Pall., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 57. *Gentiana decumbens* L., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 28 іюля 1911 г.

№ 58. *Gentiana verna* L., цв. Гора Богдо-Ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

Convolvulaceae.

№ 59. *Convolvulus Ammani* Desr., цв. Мѣстность у озера Киргизъ-норъ. 8 іюля 1911 г.

Borragineae.

№ 60. *Myosotis sylvatica* Hoffm., цв. Окрестности Уланъ-Эрика. 4 іюля 1911 г.

Scrophulariaceae.

№ 61. *Linaria vulgaris* Mill., цв. Мѣстность Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

№ 62. *Pedicularis virticillata* L., цв. Шаръ-Бельтыръ (около Уланъ-Эрика). 28 іюля 1911 г.

№ 63. *Pedicularis versicolor* Wahlenb., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 2 іюля 1911 г.

№ 64. *Pedicularis tristis* L., цв. Долина р. Чужимъ-Салаколъ. 14 іюля 1911 г.

№ 65. *Pedicularis longiflora* Rad., цв. Окрестн. Уланъ-Эрика. 28 іюля 1911 г.

66. *Veronica incana* L., цв. Мѣстн. Капчикъ. 11 іюля 1911 г.

Selaginaceae.

№ 67. *Lagotis glauca* Gaertn. var. Pallassii Cham. et Schlecht., цв. Гора Богдо-ула (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

Labiatae.

№ 68. *Dracocephalum altaiense* Laxm., цв. Гора Богдо-ула. (Очиръ-Вани). 13 іюля 1911 г.

№ 69. *Panzeria lanata* Pers., цв. Мѣстн. у озера Киргизъ-норъ. 8 іюля 1911 г.

Plumbagineae.

№ 70. *Statice speciosa* L., цв. Долина р. Богдынъ-колъ. 15 іюля 1911 г.

Polygoneae.

№ 71. *Polygonum viviparum*. L., цв. Окрестности Уланъ-Эрика. 2 іюля 1911 г.

Gramineae.

№ 72. *Lasiagrostis caraganae* Trin., плоды. Цаганъ-суль. Мѣстн. по р. Кунгую. 6 августа 1911 г.

№ 73. *Elymus sabulosus* MB., плоды. Цаганъ-суль. Мѣстн. по рѣкѣ Кунгую. 6 августа 1911 г.

№ 74. *Festuca ovina* L., цв. Окрестности Уланъ-Эрига. 28 іюля 1911 г.

